

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

А. В. Макарин, Л. В. Давыдов

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УСИЛЕНИЯ «ПАРТИИ ВЛАСТИ»

Аннотация: Усиление «партии власти» и повышение ее электоральной эффективности от одного избирательного цикла к другому происходило лишь тогда, когда ей со стороны правящего класса предоставлялись новые функции и инвестировались в нее соответствующие средства. Чем больше дивидендов приносит «партия власти» правящему классу, тем больше средств он готов инвестировать в эту партию (включая административный ресурс). В наличии и «встречная тенденция», а именно: «партия власти» заинтересована в том, чтобы инвестировали как можно больше средств, она принимает их и берет на себя новые функции и пытается быть «эффективной». В определенной степени она является каналом, по которому пробиваются в правящий класс новые лица. Ибо партия служит проводником интересов как правящего класса, так и тех групп власти, на которые эта партия опирается – политическую бюрократию и средние слои чиновничества.

Ключевые слова: Политология, партия, власть, класс, ресурсы, выборы, номенклатура, политика, бюрократия, чиновничество

После распада СССР в ряде государств на постсоветском пространстве процесс «либеральной демократизации» политических институтов (политической системы) воспроизвел такой феномен как «партия власти» – политическое учреждение, создаваемое по инициативе и участии политической власти, как правило, исполнительными органами и преимущественно, для политической борьбы на выборах в представительные органы власти центрального и регионального уровней. «Партии власти» стали отличительной чертой политического поля части республик бывшего СССР.¹

Становление «партии власти» в России происходило в условиях расслоения бывшей советской номенклатуры на политический класс,² сконцентриро-

вавший в своих руках контроль над политическими и в значительной части над экономическими ресурсами страны и политическую бюрократию, которая пользовалась доступом к распределению этих ресурсов в той степени, в какой считал, первоначально, необходимым политический класс. В последующем эти две структуры политической элиты в связке с бизнес-элитой, в целом, (правлящим классом) стали движущей силой процесса восстановления новой «номенклатурной системы», при которой каждый слой номенклатуры имеет доступ к определенным

обозначать «узкое меньшинство», реально выполняющего функции общего управления или руководства. То есть, другими словами, при таком взгляде термин «правлящий класс» находится между понятиями «элиты» и «политического класса». Поскольку он включает в себя те привилегированные меньшинства, которые в силу либо своего морального авторитета, либо благодаря обладанию экономической или финансовой властью, не выполняя непосредственно политических функций, оказывают влияние как на тех субъектов, кто управляет, так и на тех, кто подчиняется. См.: Aron R. Social Class, Political Class, Ruling Class // Class, Status, and Power, L., 1967. P. 204.

¹ См.: Лихтенштейн А.В. Институциональные условия возникновения и функционирования «партий власти» в России и на Украине: сравнительный анализ. М., 2003. С.3.

² Р. Арон к элитарному слою относит всех людей, находящихся на самых высоких ступенях иерархии в различных сферах общества и занимающих наиболее привилегированные позиции по уровню престижа и богатства. Словосочетанием «политический класс», по мнению Арона, правильнее

ресурсам закрепленным иерархией патрон-клиентских отношений.

Эта система современной российской власти и управления в некоторой степени производна от советского прошлого, с некоторым отличием. В СССР высшие структуры власти на различных уровнях – «советы народных депутатов», «профсоюзные органы» и иные общественные структуры являлись формальными образованиями, но не лишены содержательной части. Их формальность проявлялась в том содержании, которое они имели в системе иерархии «советской власти». Общим, т.е. политическим субъектом (политическим классом), в советский период, являлись партийные структуры. Другие политические институты, как правило, выступали в качестве исполнительных органов по отношению к партийному руководству, но полностью не теряли свое содержание (правящий класс). Соответственно, субъектом давления со стороны «групп интересов» были преимущественно структуры КПСС. Сегодня приоритетна также не формальная, а содержательная власть политической бюрократии и собственно бюрократии (в теневого смысле), являющейся основным институтом продвижения групповых интересов. В настоящем в России воспроизводится модель «однопартийной» русской и советской политических систем, в которых конкурировали различные группировки от «партии власти». Но это была и есть борьба учреждений. «... За борьбой партий скрывается противостояние различных фракций кремлевской бюрократии...» (О.В. Гаман-Голутвина).

Сам термин «партия власти» используется в научной литературе в нескольких смысловых значениях – от широкого до узкого понимания и промежуточных его значений. Широкая трактовка понятия «партии власти» определяется в виде политического и социально-культурного феномена, в форме власти «вообще». Главным или основным понятием является категория «власть», реализуемая не только политическим классом, но и правящим классом в целом, включая элиту общества и с опорой на общество, т.е. как *всеобщность государства* (Гегель).

В более узком определении «партии власти» в центре также стоит понятие «власть» – в форме ее функционального или институционального значения, т.е. 1) в виде структур «укрепления легитимности и узаконивания» в общественном мнении стратегии и тактики, проводимой политики правящего класса, 2) в модели электоральной политики,

связанной с необходимостью противостояния на избирательном поле этой политики другим партиям, представляющим отличные, нерациональные с точки зрения властных структур сегменты, составляющие общество 3) или, ближе, к более широкому пониманию «партии власти»; ее значение связывается с выходом в публичный сектор политики, с завершением процесса консолидации правящего класса и достижением им определенной степени социально-экономического и политического единства.

В самом общем виде, в понятие «партия власти» следует включить организационно оформленное, санкционированное частью государства (действующей властью), объединение людей функционирующее в интересах реализации ее публичной политики.

Российские «партии власти» прошли в своем становлении и развитии путь от политической протопартии «Выбор России»³, которая претендовала на положение доминирующей партии по результатам парламентских выборов до «Единой России» с ее центром, правыми и левыми позициями – аппаратной организацией, служащей инструментом легитимации, включая легализацию политики, проводимой правящим классом, и расценивающей парламентскую деятельность, включая, выборы не *в виде поля политической борьбы и постановки целей* (М. Вебер), а в модели *формальных* процедур, которые должны закрепить наличное соотношение политических институтов и сил.

Становление «партия власти» – «Выбор России», лидером которой был Е. Гайдар, как показала политическая жизнь в начале 90-х гг. XX в. отвечала запросам правящего класса по осуществлению перемен в экономике (*особенно в вопросе о собственности*) и, частично, в политике как на уровне федерального центра, так и в регионах. Но не на основе дезинтеграции и конфронтации между различными элитными группировками, по разному реагировавшими на способы приватизации и политической трансформации; пик, которых приходился на 1991-1993 гг., а на базе негативного (естественного) согласия между президентской властью, правительством,

³ В Государственной Думе первого созыва кроме «Выбора России» была представлена проправительственная организация «Партия российского единства и согласия» (ПРЕС).

парламентом, региональными элитами и бизнес-элитой по вопросу осуществляемой приватизации.⁴

Радикальные реформаторы – либеральные экономисты и политики во главе с Е. Гайдаром восприняли такое положение дел как доверие и повод заявить свои претензии на то, что созданная ими политическая организация «Выбор России» станет партией либеральной демократической власти (Е. Гайдар до выборов Государственную Думу первого созыва потерял пост второго лица в государстве – председателя правительства). Как следствие, в силу того, что идеология «Выбора России» соответствовала запросам правящего класса России по реализации приватизации, эта партия получила поддержку со стороны Кремля (поддержка нашла положительное отражение в процентах, полученных данной партией по результатам «первых» парламентских выборов голосов – 15. 51%).

Одновременно партия «Выбор России» включала самостоятельных, нередко, политиков-романтиков в рамках либеральной идеологии, не связанной с предпочтениями исполнительной власти в лице президента Б. Ельцина и его окружения. С новым процессом приватизации, преобразования политического в экономический капитал и наоборот, борьба внутри правящего класса возобновилась. Поэтому «Выбор России» к 1995 г.⁵ утратил свои позиции «партии власти», частично, по причине отсутствия «партийной дисциплины» в рядах ее фракции и не лояльности главе государства в лице «Семьи), устремлениям Кремля и запросам региональных лидеров, а также отсутствием поддержки со стороны общества темпов, форм и содержания экономических реформ.

В изменившихся условиях в противовес оппозиционным политическим силам центральная власть формирует новую организацию (по форме) принципиально отличающуюся от «Выбора России как это представляла власть. В основе ее деятельности был заложен основополагающий принцип (по содержанию) – принцип лояльности главе государства.

Но, по всей видимости, целостной концепции или проекта функционирования «партии власти» как и прежде не существовало. Это, например, проявилось и в том, что глава государства поставил задачу создать приемлемые для кремлевской власти политические организации двум политикам – председателю правительства В. Черномырдину и «спикеру» Государственной Думы первого созыва И. Рыбкину. Цель этих организаций – набрать как можно больше голосов на выборах в Государственную Думу второго созыва, прежде всего для того, чтобы лишить части мандатов в представительном собрании претендентов от КПРФ,⁶ которая не потеряла популярности на волне массового недовольства, связанного с последствиями проведенных ранее радикальных экономических реформ. Но более или менее внятной социально-экономической программы НДР («Наш дом – Россия») и «Блок Рыбкина» народу не предложили.

Неприятный для власти результат 1995 г. (10.13% по партийным спискам и десять депутатов от одномандатных округов), который получил НДР, объясняется тем, что сама идея «партии власти» была дискредитирована в глазах народа за счет предыдущей «партии власти» на которую была возложена ответственность за непопулярные социально-экономические преобразования. Поэтому закономерным является то, что на выборах в Государственную Думу 1993-1995 гг. голоса избирателей, поданных соответственно за «Выбор России» и НДР друг с другом не коррелируют.⁷ Кроме этого партия «НДР» по территориальному распределению своего электората имела немного общего со своим предшественником в роли «партии власти» – «Выбором России» 1993 г. В значительной части сказалось ее становление как партии «властной номенклатуры». Из двадцати регионов – лидеров в доле голосов «Наш дом – Россия» в основном выступили национальные республики, не отличавшиеся поддержкой содержания реформ, ни благополучным социально-экономическим положением. Последнее могло бы способство-

⁴ См.: Куколев И.В. Трансформация политических элит в России // «Общественные науки и современность». 1997. №4; С.83-84. Елизаров В.П. Элитистская теория демократии и современный российский политический процесс // «Полис». 1999. №1. С.74-75.

⁵ В Государственную Думу второго созыва ДВР получил лишь 3.86% голосов.

⁶ Процент голосов избирателей, полученный КПРФ в Государственную Думу первого – четвертого созывов в многомандатном федеральном округе: 1993 – 20,39; 1995 – 22,30; 1999 – 24,39; 2003 – 12, 61.

⁷ См.: Лобарев А.Е. Корреляционный анализ результатов парламентских выборов 1995 года // «Полис». 1996. №2. С. 120.

вать сдвигам во взглядах избирателей. Но для них характерно влияние национальных лидеров на политическое поведение избирателей.⁸ Относительно «блока Ивана Рыбкина», который, как предполагалось, должен был действовать на левом политическом поле, ничего не смог противопоставить позиции КПРФ и, набрав 1, 11% голосов, соответствующий пятипроцентный барьер не преодолел, а следовательно в Государственную Думу не прошел.

Новая «партия власти» образца 1995 г. НДР не стала ни основной партией «либеральных реформ», как «Выбор России» за два года до этого, ни партией региональных правящих классов. Определенная поддержка НДР элитными группами республик продолжалась до тех пор, пока политика Центра не затрагивала *феодалные* устремления правящих групп. После перевыборов Б. Ельцина на второй президентский срок региональные правящие структуры заняли позицию автономных политических акторов.

Еще ранее, в первые годы социально-экономических преобразований в России, в ряде российских субъектов РФ, несмотря на попытки центральной власти поставить в этих регионах руководителей по своему усмотрению не подтверждались политической практикой. После проведения местных выборов политическая власть оказывалась, преимущественно, в руках людей, связанных с прежней советской номенклатурой данного региона. В национальных республиках в составе России, в целом, не происходило существенных изменений в политическом и правящем классе. Система власти и управления была там преобразована таким образом, чтобы воспроизвести и утвердить неформальную структуру прежней элиты при сохранении ее персонального состава.⁹

С учетом того, что «партия власти» обладала скромной властью, президента Б. Ельцина такой расклад политических сил, по всей видимости, устраивал. «Партия власти», которая создает для главы государства основы подотчетности политической элите, оказывается не нужной. Президент управ-

ляет своим окружением по принципу «разделяй и властвуй».¹⁰

Сложившейся при первом президенте России Б. Ельцине режим не был диктаторским, хотя и демократическим его назвать сложно. Этот режим определяли и определяют до сих пор по-разному, например, в виде *управляемой демократии* (Б. Кагарлицкий) или в форме *выборного самодержавия* (Л. Шевцова) и др. Вполне корректно его природу воспроизводят словосочетания «электорально-клановый» или «клановая демократия». «Кланы различного типа (территориальные, идеологические, отраслевые, криминальные и др.) существовали и при социализме, но тогда их ограничивал централизованный партийно-государственный аппарат. После краха этого аппарата кланы вышли на передний план как главные субъекты политики, причем осколки прежнего аппарата сами распределились по кланам. Концепция разделения властей в СССР была неизвестна. Возможно, переняв о советской политической культуре представление о том, что основная цель политической борьбы – установление собственного всевластия, постсоветские кланы начали борьбу за контроль над ресурсами – политическими, экономическими, финансовыми, пропагандистскими. Но при Ельцине Кремль, превратившийся в наиболее влиятельный клан, не претендовал на абсолютную власть, предпочитая роль арбитра между кланами и порой даже ища поддержки некоторых из них».¹¹

И так, на выборах в Государственную Думу *первого* и *второго* созывов немаловажное значение, как замечают ряд исследователей, имел идеологический раскол между левыми, центром и правыми, в целом, не имеющих четких представлений, программ и реальных действий о том, что делать? Не вдаваясь в смысловое содержание и путаницу понятий – *правые, левые, центр* применительно к времени их использования. Правые позиционировали себя как силы свободы и прогресса, а своих оппонентов называли в качестве консерваторов. Левые придерживались лозунгов о защите принципов, реализованных в СССР, приверженности идеям социального равенства и о преступной, несправедливой политике «новой власти». Центр, как правило, отсутствовал.

⁸ См.: Колосов В.А. Политические ориентации Российских регионов: произошел ли в декабре 1995 «обвал»? (Анализ голосования по партийным спискам) // «Полис». 1996. №1.

⁹ См.: Бадковский Д.В. Трансформация политической элиты России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // «Полис». 1994. №6. С. 53.

¹⁰ См.: Гельман В.Я. Шахматные партии российских элит // «Pro et Contra». 1996. Т. 1.

¹¹ Лукин А.В. Диктатура и жизнь // «Полис». 2004. №1. С. 14.

Народ, массы, электорат, население в большинстве своем не имел представления о том, что означает собой «другая демократия» помимо «социалистической или советской демократии», основанной на социалистической справедливости (каждому более или менее равное в зависимости от трудового вклада в общее дело – от каждого по способности, каждому по труду). Большинство народа не имело также представления о том, какие идеи предлагают левые или правые и какие конкретно содержит преимущества рыночная экономика. Но на основе социально-экономических преобразований, приведшими к ухудшению материального положения населения страны в начале 90-х годов XX в., оно и не пыталось разбираться в идеологии как таковой.

По окончании электорального цикла, завершающей стадией которого стали президентские выборы 1996 года, политическая ситуация в регионах начала стабилизироваться. В большинстве из них борьба за позиции власти закончилась. Были определены политические лидеры, которые на долгие годы взошли на президентские или губернаторские посты. Как следствие основное политическое противостояние в этих условиях происходило между регионами и федеральным центром. Большинство глав регионов выступали против предложенных темпов и содержания радикальных экономических преобразований. Особую активность в критике «планов» «молодых реформаторов» проявил неформальный лидер Совета Федерации мэр г. Москвы Ю. Лужков, который укрепив свои позиции в столице, пытался возглавить региональный союз (в 2010 г. он был отстранен от занимаемой должности мера г. Москвы в связи с недоверием главы государства России).

Региональные властные элиты (преимущественно регионов – «доноров») стали заключать союзы, что внешне выразилось в образовании движений, как – «Голос России», «Вся Россия» и «Отечество». Все эти движения в течении одного года слились в один блок – «Отечество вся Россия». Региональные властные элиты, по видимому, были убеждены и не без оснований, что сконцентрировав в своих руках экономические и административные ресурсы, а также социальные механизмы воздействия на население, могут оказать решающее влияние на результаты электоральной борьбы. Это позволит использовать выборы как средство

давления на центральную власть и как фактор торга за уступки и льготы.¹²

Федеральный правящий класс оказался перед фактом возможной победы этого блока на предстоящих выборах в Государственную Думу третьего созыва. В случае такой победы Центр мог столкнуться с объединенной оппозицией – КПРФ и ОВР. Поэтому федеральной политической элите пришлось действовать на опережение.

Концепция «партии власти» была проработана более последовательно, нежели в случае с НДР (НДР к началу 1999 г.¹³ имела минимальную поддержку со стороны граждан России и не было никакой необходимости пытаться наполнять эту партию положительным содержанием). Новая основа «партии власти» создавалась с чистого листа, но с учетом опыта и ошибок правящего класса от имени Кремля в отношении прежних «партий власти». Огромные ресурсы, выделенные под этот *проект* использовались в целом эффективно. Удалось создать положительный в глазах электората образ зарождавшегося движения «Единство». Результат был достигнут путем: 1) правильного подбора «первой тройки» политических лидеров; 2) дистанцированию от фигуры Б. Ельцина и проведенных реформ; 3) ассоциированию с фигурой В. Путина, который постоянно набирал популярность; 4) использованию патриотической риторики с началом второй чеченской компании; 5) позитивному освящению деятельности номинальных лидеров «Единства» по двум основным каналам телевидения, на фоне отрицательного изложения деятельности конкурентов.

В течении двух лет партия власти «Единство» стала основой для объединения правящего класса России. Из электорального проекта «Единство» превратилось в тот центр притяжения, к которому устремились сначала те думские представители от народа, которые могли остаться вне политического поля, например, партийные деятели прежних «партий власти», независимые одномандатники и др. В этих условиях лидеры блока ОВР не вступили в конфронтацию с «Единством» и слились с последним

¹² См.: Зелетдинова Э.А. Астраханская область: анализ результатов президентских и парламентских выборов // «Политик». 2000. №4. С. 128-129.

¹³ Процент голосов избирателей, полученный НДР на выборах в Государственную Думу в 1999 г. в многомандатном федеральном округе – 1.19.

в «Единую Россию». «Единство» стало институциональным оформлением союза между различными элитными группами. При этом этот союз носил *открытый* характер. Он не исключал присоединения к нему других элитных групп на базе признания ими лидирующей роли той части федеральной элиты, которая осуществила данный проект. Хотя противоречия внутри правящего класса не были разрешены, их удалось заретушировать и преодолеть многие их симптомы. Это была основа для последующей консервации данной ситуации. Для того, чтобы ее законсервировать необходимо было предпринять дальнейшие действия по устранению внешних раздражителей и источников внутриэлитного конфликта.¹⁴

На левом фланге, в целом, успешно был реализован проект – «Родина», но его значение не следует преувеличивать в ослаблении позиции КПРФ. На протяжении ряда лет, начиная с 1999 г. происходил

¹⁴ Но прежде необходимо было провести крупную административно-правовую реформу, в ходе которой и произошло значительное перераспределение политического влияния в пользу центра. Региональные лидеры утратили статус политического актора федерального масштаба, получив взамен экономической помощи из центра в случае оказания ответной политической помощи на федеральных выборах. Президентский указ №849 от 13.05.2000 г. ввел не просто новый элемент в политическую систему, но осуществил переход от двухуровневой системы управления к трехуровневой. Если раньше взаимодействие центра с регионами происходило при непосредственном контакте федеральных чиновников с губернаторами, ежемесячно съезжавшимися на заседания Совета Федерации, то теперь между центром и регионами появилась новая управленческая прослойка – полпреды. Очевидно, это значительно понизило статус региональных элит: некогда влиятельные губернаторы теперь стали вынуждены апеллировать не лично к президенту, а к своему полпреду, контролировавшему их деятельность. Ослабление власти губернаторов проявилось также и в том, что главные федеральные инспектора, курировавшие в новой системе каждый субъект Федерации, получили больший статус по сравнению с представителями президента ельцинского времени. Существенно выросло влияние в регионах как федеральных управленческих структур (Администрации Президента РФ, Правительства РФ), так и федеральных ФГП. Произошел рост влияния федеральных ФГП по отношению к региональным и к региональному бизнесу в целом. Параллельно выросла политическая активность регионального бизнеса, а общий уровень влияния в регионе стал как никогда зависеть от экономических ресурсов. В регионах произошло фактическое слияние политической и экономической элит и формирование на этой основе политико-финансовых конгломератов (О.В. Гаман-Голутвина).

отток кадров из КПРФ. Более того удельный вес сторонников в «партийном сегменте» элиты постоянно падал. Число губернаторов при поддержке оппозиционными партиями в начале XXI устойчиво снижалось, а перспективы переизбрания-переназначения инкубентов в качестве кандидатов от оппозиции в то время уже были практически исключены.¹⁵ Подавляющее большинство губернаторов, избранных ранее при поддержке левых сил «встроены» в существующую систему власти: в текущей политической деятельности, а также в отношениях с центральной властью они, как правило, избегают идеологии. В этом отношении показателен пример А. Ткачева, А. Тулеева или А. Селезнева. Селезнев, например, не перешел в «Единую Россию», создал собственную организацию и во время предвыборной компании вошел в один блок с пропрезидентской организацией, которая претендовала на роль дублера «Единой России». Формирование «партий дублеров» (сегодня – это «Справедливая Россия»), как предполагается, вызвано тем, что формально они были призваны для обеспечения принципа альтернативности выборов или с необходимостью «сменить вывеску» в связи с возможными экономическим или политическим кризисом.

На выборы в «Государственную Думу» 2003 г. четвертого созыва «Единая Россия» шла в условиях особого режима, при котором высокий процент ей был гарантирован, за счет консолидированного «единства» правящего класса в вопросе продвижения «партии власти» и принижения оппозиции. Как следствие победа была одержана не только по партийным спискам (120 мест, 37.57%), но и по одномандатным округам (100 мест). Например, результаты парламентских выборов 2003 в одномандатных округах ЦФО (Центрального федерального округа – регион «красного пояса») резко отличаются от итогов выборов 1999 г. «Все округа достались партии власти, что стало результатом жестких договоренностей центра с местными губернаторами (в том числе с губернаторами-коммунистами)... Выборы показали, что «красные губернаторы» перестали существовать как класс. Их главной целью стало переизбрание на третий срок, ради которого они готовы на любые сделки с Кремлем. И провал сильных коммунистов в соответствующих округах можно считать

¹⁵ См.: Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006. С.386-387.

частью этой сделки... Владимирская область стала единственным регионом, где губернатор-коммунист обеспечил победу своей партии в обоих округах».¹⁶ Иначе говоря, комплексное партийное строительство позволило нарастить административный ресурс, одновременно, и за счет действий политических лидеров регионального масштаба, что имеет особое значение в российской провинции.

«Минимальная диверсификация системы социальной коммуникации, присущая небольшим населенным пунктам, не позволяет индивиду сформировать собственный политический выбор и побуждает его переложить ответственность за этот выбор на “начальство”. Доля передающих свой выбор местному руководителю и определяет объем административного ресурса на наличной территории... По мере усложнения социальной коммуникации готовность индивидов к принятию самостоятельных решений возрастает. В результате усиливается значение политических, групповых и личностных предпочтений, а мера административного воздействия сокращается... Эффективность административного ресурса во многом зависит от степени внутриэлитного согласия. В случае глубокого раскола элиты часть ориентированных на мнение нобилитета избирателей отказывается от голосования. Одновременно повышается активность тех, кто, будучи настроен против системы власти как таковой, традиционно воздерживался от участия в выборах, что увеличивает шансы на победу “несистемного кандидата”».¹⁷ Поэтому комплексный и на некоторое время вперед просчитанный подход к построению и развитию «партии власти», основанный на значительном объеме различного рода ресурсов оказался более «производительным», в сравнении с экономным, который был осуществлен в период становления НДР.

Статус доминирующей «партии власти» – «Единой России» в парламенте РФ позволил правящему классу ставить перед партией новые задачи. При сохранении утвердившихся и реализованных данной партией функций – представления интересов правящего класса в Федеральном собрании и «консолидации» региональных правящих элитных

групп под патронажем центральной власти должна была обеспечить легитимность государства в лице исполнительной власти. При этом узаконивание правящих групп происходило и сегодня происходит не столько путем приведения политики в соответствие основному закону – конституции России, сколько при помощи и на основе приведения закона в соответствии с политикой господствующих элитных групп.

Поэтому еще одной задачей, которую поставила «партия власти» в начале первого десятилетия XXI в. – добиться своего преобладания и в представительных собраниях субъектов России (обратим внимание на то, что в последующем задача была успешно решена). В конце XX в. и самом начале XXI в. депутаты от «партии власти» – «Единой России» не составляли абсолютного большинства в законодательных органах регионов, но депутатские объединения «партии власти», в отличие от начала 90-х гг. XX в., использовались прагматично, в лоббистских целях и не играли, как правило, самостоятельной роли.

Таким образом, в ходе выборной компании 1999 года партия «Единство» выделилась из всех остальных партий и движений, потому, что используя предыдущий политический опыт «партий власти», отчасти, опыт ЛДПР (ЛДПР по своему происхождению и характеру является реверсной партией – партией обратного действия по отношению начальным демократическим движениям в СССР), провозгласила принцип своей стратегии и тактики – «Наша идеология – никакой идеологии». Хотя «никакую идеологию» «партии власти» можно привязать к *консервативной* и одновременно *центристской*.¹⁸ Такую же стратегию «Единая Россия реализовала в 2003 и 2007 гг. Политтехнологи от «Партии власти» (конца XX в. – начала XXI вв.) одни из первых обратили внимание на то, что партия (как и в ряде других стран современного мира) должна быть *универсальной*, т.е. «партией – хватай – всех» (Ла Паломбара), которая могла бы объединить вокруг себя максимальное количество избирателей социальной, этнической и иной принадлежности для решения главных вопросов текущего момента и для правления «эмпирическим» путем.

¹⁶ Туровский Р. Основные результаты выборов в одномандатных округах // www.policom.ru. 21.12. 2003.

¹⁷ Воронцова А.Б., Звоновский В.Б. Административный ресурс как феномен российского избирательного процесса // «Полис». 2003. №6. С. 123-124.

¹⁸ Попова О.В. Группы поддержки «партии власти» в Санкт-Петербурге Ленинградской области // «Политэкс» Т. 2. №2. С. 227.

«...«Идеологические партии» (как левые, так и правые) отступают под напором нарочито идеологизированных образований, осуществляющих активную экспансию по всем направлениям и действующим по принципу «хватай всех подряд.» Многие участники прошедших выборов выглядели как клоны...»¹⁹ Надо признать, что универсальные качества других партий, партий «не связанных» с правящим классом проявились лишь в 2003 г., но без опоры на административный ресурс.

Еще одно направление, которое использовала и сегодня использует «партия власти» – это учет динамики психологии избирателей – патерналистские настроения избирателей, с упором на сильную личность *первого лица* – главы государства (*сегодня в тандеме Президент – Председатель правительства*). Патерналистские настроения присутствовали у российского избирателя и в первом избирательном цикле, но в то время ассоциировались с советским прошлым, а результатом этой психологии явилось то, что патерналистски настроенная часть избирателей голосовала за КПРФ и другие «левые» партии.

Электоральному успеху «партии власти» сопутствовало привлечение на свою сторону умеренной части право-патриотической части электората. Выборы 2003 г. показали, что ценностные ориентации у россиян присутствуют, но до этого времени партии обращались не всегда к тем ценностям, которые востребованы народом. Блок «Родина», поставивший патриотизм на первое место в своей предвыборной компании получил признание «...не потому, что на нее работали хорошие политтехнологи (М. Гельмана и др.), но потому, что она уловила и отразила в своей риторике...ожидания людей, которые испытывают эмоциональный дискомфорт в связи с национальным унижением».²⁰ В последующем «Родина» вошла в состав «Справедливой России».

При этом существенным основанием победы в 2003 г., как и в 2007 г. находится в сфере экономических отношений. После экономического спада и нестабильности первой половины 90-х гг. XX века, завершившийся «дефолтом» в августе 1998 г., начался подъем в экономике. Результаты экономическо-

го кризиса 1998 г. серьезно не отразились на большинстве населения нашей страны, так как он был финансовым, а финансовых средств у большинства россиян в то время не было. Но положительным эффектом кризиса явилось то, что он привел к росту показателей экономики. Сам этот факт уже в 1999 г. стимулировал у граждан России оптимистические ожидания.

Вместе с этим тщательно выстраиваемая властная вертикаль постепенно и прагматично подстраивала под себя основные политические и экономические ресурсы регионов. С сентября 2004 года в России изменилась и система формирования губернаторской власти, когда под предлогом сохранения сильных управленцев, у которых истек срок полномочий; избавления от неэффективных руководителей регионов, не дожидаясь окончания формального установленного срока губернаторства; использования губернаторского поста в политической игре; обеспечение реализацию своего «кадрового проекта», обезопасив себя от сюрпризов, неизбежных при сохранении электоральной конкуренции; снижения уровня коррупции в деятельности губернаторов. «Но не отмена прямых выборов глав регионов составила суть перемен в положении региональной власти. Более существенно изменение технологии контроля над губернаторами».²¹ С этого момента политическая самостоятельность региональных властных элит была ограничена влиянием центра, и ныне ее уровень незначителен, но превышает тот, который могла себе позволить советская номенклатура на местах (в смысле коррупционных составляющих современной региональной власти).

Следующим эмпирическим шагом федерального правящего класса в усилении «партии власти» явились перемены в избирательном законодательстве, на основе которого была изменена система выборов. С 2007 г. выборы в Государственную Думу России проходят, не по смешанной электоральной формуле (мажоритарно-пропорциональной), а по пропорциональной системе. Смешанная же избирательная система была рекомендована региональным правитель-

¹⁹ Гаман-Голутвина О.В. Российские партии на выборах: картель «хватай всех» // «Полис». 2004. №1. С. 22.

²⁰ Шестопал Е.Б. Авторитарный запрос на демократию, или почему в России не растут апельсины // «Полис». 2004. №1. С. 25.

²¹ Барсукова С.Ю. Участие бизнеса в политике: изменение правил: (на примере финансирования избирательных компаний и деятельности политических партий // Элиты и власть в российском социальном пространстве: Материалы пятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации / Под ред. А.В. Дуки. СПб., 2008. С. 122-123.

ствам. Этот шаг Кремля позволил ему «убить» сразу «двух зайцев»: ослабить позиции губернаторов и повысить влияние «партии власти» (партийные списки подтолкнули к вступлению в нее многих авторитетных в регионе лиц) (С.Ю. Барсукова). Относительно регионов, то до 2003 г. в большинстве из них представительные органы избирались по мажоритарной системе.

На основе новой избирательной системы только с декабря 2003 по март 2007 г. избраны 75 региональных парламентов. Практически во всех регионах «Единая Россия» завоевала абсолютное большинство. Только в 15 парламентах к этому времени было у «Единой России» менее трети депутатов.²² Еще один пример, «Единая Россия» на выборах в Мосгордуму в октябре 2009 г. получила 32 мандата из 35²³.

С позиции власти достоинства выборов на федеральном уровне по партийным спискам состоят в том, что они обеспечивают высокую степень автономии лидеров партий от избирателей, открывая путь внутриэлитным договоренностям, стимулируют партийное строительство, повышают контроль федерального центра над составом думской фракции «партии власти» и, главное, позволяют избавиться от одномандатников.

Что касается одномандатников так это был, по сути, канал, не всегда подконтрольный федеральному центру волеизъявления.²⁴ В своей основе задача была поставлена на решение о сужении спектра сил, влияющих на законодательную власть. «У бизнеса отняли возможность “посылать за собственный счет” депутатов в Государственную Думу. Единственное, что ему остается, – это добиваться мест в партийных списках. Но подобная деятельность требует не разовых вложений, а систематической поддержки партий (что повышает цену депутатского мандата), причем с проблематичным результатом» – партийный список формируется федеральным политсоветом партии и утверждается на съезде, где всякое может

произойти. И все же главное препятствие на пути лоббирования бизнесом своих интересов – резкое падение роли партий, не связанных с властью. Ведь переход на пропорциональную систему выборов был лишь очередным звеном в цепи мер, отсекающих от политической жизни силы, не получившие санкции Кремля (запрет на участие в выборах общественных организаций и блоков, повышение “заградительного” барьера и т.д.).²⁵

Выборы в Государственную Думу 2007 г. были проведены по новой пропорциональной системе. Выборы, на которых барьер для партий, проходящих в Государственную Думу по партийным спискам, повышен с 5 до 7%, кроме того законодательно был убран нижний порог явки на избирательные участки и возможность голосовать против всех кандидатов, отменена мажоритарная система голосования по одномандатным округам, членам одной партии запрещено проходить по спискам другой, а партиям запрещено объединяться в выборные блоки.

Соответственно в выборах этого года приняли участие 11 партий. За 4 партии, получившие места в Государственной Думе, проголосовало 91, 75% избирателей. Это говорит о том, что большинство избирателей при измененной нормативной базе выборов «сохранили» или скорее переориентировали свои предпочтения, отдавая свои голоса партиям, имеющим шансы *преодолеть* электоральный порог. Во многом поэтому партия «единая Россия» одержала уверенную победу на выборах.²⁶ Первоначально считалось, что реформа избирательной системы невыгодна «Единой России», так как на выборах 2003 г. она получила 37.57% голосов избирателей, и только из-за вступления в ее состав депутатов, избранных по одномандатным по округам, она смогла получить квалифицированное большинство голосов в нижней палате нашего парламента. Но на выборах в 2007 г. эта партия заручилась поддержкой уже 64.3%

²² См.: Панов П.В. Рецентрализация в современной России: возможности и пределы // Элиты и власть в российском социальном пространстве: Материалы пятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации / Под ред. А.В. Дуки. СПб., 2008. С. 83.

²³ См: <http://www.lento.ru/news/2009/10/12/mosduma/>

²⁴ См.: Макаренко Б. Новый закон о выборах и эволюция режима // Pro et contra. 2006. №1.

²⁵ Барсукова С.Ю. Участие бизнеса в политике: изменение правил: (на примере финансирования избирательных компаний и деятельности политических партий // Элиты и власть в российском социальном пространстве: Материалы пятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации / Под ред. А.В. Дуки. СПб., 2008. С. 130- 132.

²⁶ См.: Кинзерская И.Л. Избирательная система как инструмент формирования общественного выбора: теоретические подходы и российская практика // «Политэкс». 2008. Т. 4. №2. С. 148.

избирателей, что, с учетом эффекта мультипликатора (часть партий не преодолела избирательный барьер, и их голоса были перераспределены между партиями, которые прошли в Государственную Думу) позволило «партии власти» не только сохранить конституционное большинство, но и увеличить численность своей фракции.

Российский правящий класс, будучи глобализованным, стремился и стремится внутри нашей страны легитимировать себя с помощью властных практик традиционного или патримониального общества, первоначально в виде децентрализованного варианта патримониализма с элементами султанизма (90-е г. XX в.), сегодня в форме султанизма с элементами децентрализованного типа патримониальной власти (М. Вебер). Правящий класс не устраивает ни либерализм, ни капитализм, ни коммунизм, ни демократия, ни конкуренция, поскольку все из перечисленного не позволяет сохранять властным элитам собственно политическую власть и контроль над собственностью и, как следствие такой постановки вопроса, быть независимым от народа. Российская демократия начинала с конкуренции и пусть частичного, но обновления элитарных властных групп, выродилась в ритуальную, внешнюю оболочку, рыночная же экономика не успев встать на ноги, превратилась в совокупность вертикально интегрированных монополий.

«... Формально *эффективное число партий* в нынешнем российском парламенте по итогам выборов в 1995 г. составляло 10; в 1999 г. – 6.1; в 2003 г. – 4.75; в 2007 упало до 2.2 партий. В 1995 г. счет политических партий и общественных объединений, которые могли участвовать в выборах шел на сотни. Еще в 2003 г. было около 50 федеральных партий, которые имели право участвовать в выборах. В 2007 г. перед выборами в Госдуму РФ количество политических партий, отвечающих требованиям п. 2 ст. 36 Федерального закона «О политических партиях», сократилось до 15. В 2009 г. официально признанных ЦИК РФ политических партий в России осталось всего 7 – «Единая Россия», «КПРФ», «ЛДПР», «Справедливая Россия», «Яблоко», «Патриоты России», «Правое дело» ... Практически исключены из публичной политики гражданские движения и профсоюзы. Подобные исключения имеют целенаправленный характер. Так, по данным Росстата, если в 2005 г. в России было официально зарегистриро-

вано 2575 организаций, в которых прошли забастовки, то в 2008 г. таких было только четыре...»²⁷

Таким образом, примерно к концу 2007 г. – это время, когда «вертикаль власти» до определенной степени была выстроена, реформы политического управления, если и не приостановлены, то находятся на стадии попыток их нормативного разрешения по формуле «перед законом все равны», но постоянно мы встречаем на практике решения в пользу «более равных». Вместе с тем, возвращаясь к российским партиям можно сказать, что «структура политических партий была косвенными шагами сведена до минимума, произошли изменения в направлении монопартийности. Сложные отношения между центром и регионами были превращены в систему соподчиненности».²⁸

Суммируя сказанное можно прийти к ряду выводов. Усиление «партии власти» и повышение ее электоральной эффективности от одного избирательного цикла к другому происходило лишь тогда, когда ей со стороны правящего класса предоставлялись новые функции и инвестировались в нее соответствующие средства. Понятно, что чем больше дивидендов приносит «партия власти» правящему классу, тем больше средств он готов инвестировать в эту партию (включая административный ресурс). В наличии и «встречная тенденция», а именно: «партия власти» заинтересована в том, чтобы инвестировали как можно больше средств, она принимает их и берет на себя новые функции и пытается быть «эффективной». В определенной степени она является каналом, по которому пробиваются в правящий класс новые лица. Ибо партия служит проводником интересов как правящего класса, так и тех групп власти, на которые эта партия опирается – политическую бюрократию и средние слои чиновничества.

К другим факторам усиления «партии власти» отнесем:

а) положительную экономическую конъюнктуру, которая сложилась после дефолта 1998 г. (не смотря на экономический кризис (2008-2010 гг.);

²⁷ Мартьянов В.С. Инволюция элиты в обществе модерна // «Политэкс». Т. 6. №. 3. 2010. С. 48-49.

²⁸ Свобода К. Политические преобразования и экономические реформы в России в эпоху Путина // «Политэкс». №. 4. 2010. С. 137.

б) специфика избирательного законодательства нашей страны (смешанная и пропорциональная системы (пяти и семи процентный барьеры при голосовании по одномандатному федеральному округу);

в) особенности политического поведения россиян – преобладание ценностно-рационального, эмоционального и патерналистского над целе-рациональной мотивацией.

«Единая Россия» скорее всего переживет и современный экономический кризис. Сам проект этой партии через какой-то промежуток времени может быть и свернут, а ее место займет другая «партия власти», например, «Справедливая Россия», партийная инфраструктура уже создана, ее необходимо лишь сохранить и придать новую форму.

Библиография:

1. Бадровский Д.В. Трансформация политической элиты России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // «Полис». 1994. №6.
2. Барсукова С.Ю. Участие бизнеса в политике: изменение правил: (на примере финансирования избирательных компаний и деятельности политических партий // Элиты и власть в российском социальном пространстве: Материалы пятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации / Под ред. А.В. Дуки. СПб., 2008.
3. Воронцова А.Б., Звоновский В.Б. Административный ресурс как феномен российского избирательного процесса // «Полис». 2003. №6.
4. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006.
5. Гаман-Голутвина О.В. Российские партии на выборах: картель «хватай всех» // «Полис». 2004. №1.
6. Гельман В.Я. Шахматные партии российских элит // «Pro et Contra». 1996. Т. 1.
7. Елизаров В.П. Элитистская теория демократии и современный российский политический процесс // «Полис». 1999. №1.
8. Зелетдинова Э.А. Астраханская область: анализ результатов президентских и парламентских выборов // «Полис». 2000. №4.
9. Кинзерская И.Л. Избирательная система как инструмент формирования общественного выбора: теоретические подходы и российская практика // «Политэкс». 2008. Т. 4. №2.
10. Колосов В.А. Политические ориентации Российских регионов: произошел ли в декабре 1995 «обвал»? (Анализ голосования по партийным спискам) // «Полис». 1996. №1.
11. Куколев И.В. Трансформация политических элит в России // «Общественные науки и современность». 1997. №4.
12. Лихтенштейн А.В. Институциональные условия возникновения и функционирования «партий власти» в России и на Украине: сравнительный анализ. М., 2003.
13. Лобарев А.Е. Корреляционный анализ результатов парламентских выборов 1995 года // «Полис». 1996. №2.
14. Лукин А.В. Диктатура и жизнь // «Полис». 2004. №1.
15. Макаренко Б. Новый закон о выборах и эволюция режима // Pro et contra. 2006. №1.
16. Мартыанов В.С. Инволюция элиты в обществе модерна // «Политэкс». Т. 6. №. 3. 2010.
17. Панов П.В. Рецентрализация в современной России: возможности и пределы // Элиты и власть в российском социальном пространстве: Материалы пятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации / Под ред. А.В. Дуки. СПб., 2008. С. 83.
18. Попова О.В. Группы поддержки «партии власти» в Санкт-Петербурге Ленинградской области // «Политэкс» Т. 2. №2.
19. Свобода К. Политические преобразования и экономические реформы в России в эпоху Путина // «Политэкс». №. 4. 2010.
20. Туровский Р. Основные результаты выборов в одномандатных округах // www.policom.ru.21.12. 2003.

21. Шестопа́л Е.Б. Авторитарный запрос на демократию, или почему в России не растут апельсины // «Полис». 2004. №1.
22. Aron R. Social Class, Political Class, Ruling Class // Class, Status, and Power, L., 1967.

References (transliteration):

1. Badovskij D.V. Transformacija politicheskoj jelity Rossii – ot «organizacii professional'nyh revoljucionerov» k «partii vlasti» // «Polis». 1994. №6.
2. Barsukova S.Ju. Uchastie biznesa v politike: izmenenie pravil: (na primere finansirovanija izbiratel'nyh kompanij i dejatel'nosti politicheskikh partij // Jelity i vlast' v rossijskom social'nom prostranstv: Materialy pjatogo Vserossijskogo seminaru «Sociologicheskie problemy institutov vlasti v uslovijah rossijskoj transformacii / Pod red. A.V. Duki. SPb., 2008.
3. Voroncova A.B., Zvonovskij V.B. Administrativnyj resurs kak fenomen rossijskogo izbiratel'nogo processa // «Polis». 2003. №6.
4. Gaman-Golutvina O.V. Politicheskie jelity Rossii: Vehi istoricheskoi jevoljucii. M., 2006.
5. Gaman-Golutvina O.V. Rossijskie partii na vyborah: kartel' «hvataj vseh» // «Polis». 2004. №1.
6. Gel'man V.Ja. Shahmatnye partii rossijskikh jelit // «Pro et Contra». 1996. T. 1.
7. Elizarov V.P. Jelitistskaja teorija demokratii i sovremennyj rossijskij politicheskij process // «Polis». 1999. №1.
8. Zeletdinova Je.A. Astrahanskaja oblast': analiz rezul'tatov prezidentских i parlamentskikh vyborov // «Polis». 2000. №4.
9. Kinzerskaja I.L. Izbiratel'naja sistema kak instrument formirovanija obwestvennogo vybora: teoreticheskie podhody i rossijskaja praktika // «Politjeks». 2008. T. 4. №2.
10. Kolosov V.A. Politicheskie orientacii Rossijskikh regionov: proizoshel li v dekabre 1995 «obval»? (Analiz golosovanija po partijnym spiskam) // «Polis». 1996. №1.
11. Kukolev I.V. Transformacija politicheskikh jelit v Rossii // «Obwestvennye nauki i sovremennost'». 1997. №4.
12. Lihtenshtejn A.V. Institucional'nye uslovija vzniknovenija i funkcionirovanija «partij vlasti» v Rossii i na Ukraine: sravnitel'nyj analiz. M., 2003.
13. Lobarev A.E. Korrelyacionnyj analiz rezul'tatov parlamentskikh vyborov 1995 goda // «Polis». 1996. №2.
14. Lukin A.V. Diktatura i zhizn' // «Polis». 2004. №1.
15. Makarenko B. Novyj zakon o vyborah i jevoljucija rezhima // Pro et contra. 2006. №1.
16. Mart'janov V.S. Involjucija jelity v obwestve moderna // «Politjeks». T. 6. №. 3. 2010.
17. Panov P.V. Recentralizacija v sovremennoj Rossii: vozmozhnosti i predely // Jelity i vlast' v rossijskom social'nom prostranstv: Materialy pjatogo Vserossijskogo seminaru «Sociologicheskie problemy institutov vlasti v uslovijah rossijskoj transformacii / Pod red. A.V. Duki. SPb., 2008. S. 83.
18. Popova O.V. Gruppy podderzhki «partii vlasti» v Sankt-Peterburge Leningradskoj oblasti // «Politjeks» T. 2. №2.
19. Svoboda K. Politicheskie preobrazovanija i jekonomicheskie reformy v Rossii v jepohu Putina // «Politjeks». №. 4. 2010.
20. Turovskij R. Osnovnye rezul'taty vyborov v odnomandatnyh okrugah // www.policom.ru.21.12. 2003.
21. Shestopal E.B. Avtoritarnyj zapros na demokratiju, ili pochemu v Rossii ne rastut apel'siny // «Polis». 2004. №1.
22. Aron R. Social Class, Political Class, Ruling Class // Class, Status, and Power, L., 1967.